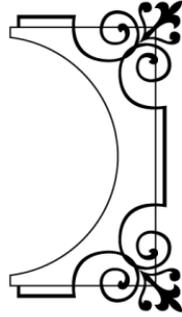

ЭТЮД
В БАГРОВЫХ
ТОНАХ

ЧАСТЬ I

*Из воспоминаний
доктора Джона Х. Ватсона,
отставного офицера
медицинской службы*

ГЛАВА I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета — она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных газ¹, если бы не верность и мужество моего ординарца Марри,

¹ Газы — участники газавата, войны мусульман с неверными. (Здесь и далее — прим. перев.)

который взвалил меня на вьючную лошадь и сумел доставить живым в распоряжение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдальцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в Плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер — точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стрэнде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона — настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были

закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

— Что вы с собой сделали, Ватсон? — спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. — Вы худой как щепка и желтый как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев улечься до приезда в ресторан.

— Бедняга! — с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. — И чем же вы заняты теперь?

— Ищу жилье, — отвечал я. — Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

— Вот странно, — заметил мой спутник, — сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

— А кто был первым? — спросил я.

— Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, — говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она, как назло, ему не по карману.

— Отлично! — воскликнул я. — Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубивая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса, — сказал он. — А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

— Чем же он плох?

— Я не говорю, что он плох. Просто чудак — энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

— Учится на врача? — предположил я.

— Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. Помоему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

— И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? — любопытствовал я.

— Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

— Рад буду с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

— Скорее всего, он сейчас в лаборатории, — отозвался мой собеседник. — Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

— Договорились, — ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

— Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, — сказал он. — Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

— Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, — добавил я, в упор глядя на своего спутника, — что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

— Трудно выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жадной познания — настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида — не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

— Что ж, это похвально.

— Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

— Он избивает покойников?

— Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

— И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

— Нет. Одному богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте — теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, ошестинившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек — он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

— Я нашел его! Нашел! — крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. — Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! — Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас Стамфорд.

— Здравствуйте! — сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. — Я вижу, вы побывали в Афганистане.

— Откуда вы знаете? — изумился я.

— Это пустяки, — усмехнувшись, сказал он. — Сейчас главное — гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

— С точки зрения химика, это, наверное, интересно, — ответил я. — Но практически.

— Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровяные пятна? Подите-ка сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. — Возьмем немного свежей крови, — с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. — Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневый осадок.

— Ха-ха! — воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. — Как вам это нравится?

— Похоже, реактив очень чувствительный, — заметил я.

— Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровяных телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

— Неужели? — пробормотал я.

— Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это — кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

— Вас можно поздравить, — промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

— В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

— Да вы прямо ходячий справочник по преступлению, — со смехом заметил Стамфорд. — Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

— И это было бы очень увлекательное чтение, — откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. — Мне приходится соблюдать осторожность, — продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. — Я ведь частенько вожусь с разными ядами. — Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

— Мы пришли по делу, — заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. — Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

— Я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, — сказал он. — Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

— Я сам курю «Корабельный», — ответил я.

— Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

— Ни в коей мере.

— Дайте-ка сообразить, какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не рас-

крываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

— Я держу шенка бульдога, — сказал я, — и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

— А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? — с тревогой спросил он.

— Все зависит от того, как играть, — ответил я. — Хорошая скрипичная музыка — это дар богов. Ну а плохая...

— Тогда все в порядке, — сказал он с довольным смехом. — Думаю, можно считать дело решенным — конечно, если квартира придется вам по вкусу.

— Когда на нее можно будет взглянуть?

— Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, — предложил он.

— Хорошо. Итак, ровно в полдень, — сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, — как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

— Это его маленький секрет, — сказал он. — Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

— Так значит, секрет? — воскликнул я, потирая руки. — Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»¹, верно?

— Ну-ну, изучайте, — сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. — Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

— До свиданья, — ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

¹ Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

ГЛАВА 2

ИСКУССТВО ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживаться и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробегала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ,